

В эти дни театральная общественность страны отмечает 130-летие со дня рождения великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой. Ее искусство было неразрывно связано с историей Малого театра, который всегда являлся школой сценического реализма, трибуной передовой общественной мысли. С полным правом Ермолову называют «знаменем русского театра» своего времени.

В публикуемом очерке М. Ванышовой воссозданы малоизвестные страницы, связанные с пребыванием М. Н. Ермоловой в Ярославле.

В ДЕРЕВНЕ было пять-десять два дома. С названием ее Ангелово связывали множество легенд. Говорили, что каждого, родившегося здесь, ждет какой-то особый дар. Но проходили годы, а крестьяне в Ангелове жили по-прежнему бедно.

Летом 1889 года вернулся в родной дом маленький серьезный человек с холщовой сумкой за спиной. В сумке лежала важная бумага, в коей было сказано, что «крестьянский сын деревни Ангелово Вержской волости Ростовского уезда Козлов Василий Иванов, родившийся 15 января 1878 года,

Островского. Жизнь, знакомая до боли, до мельчайших черточек, предстала перед ним. И эта русская женщина с надеждой на измученном лице, что идет через нужды и беды с невероятным мужеством, без единой слезливой нотки. Потрясал финал спектакля, когда в голосе Катерины чувствовалась смертельная тоска и та страшная безнадежность, сквозь которую явственно звучало: «Так дальше жить нельзя». Василий вспоминал свою деревню, мать, изможденную нуждой, черные избы Ангелова...

Портрет Ермоловой

успешно окончил курс учения в Уткинском начальном народном училище».

Учиться бы Василию дальше — только где там.

— Учатся люди известного звания, — сурово проговорил дед, он был хозяином в доме. — Кто кормить станет?

Осенью Василия определили мальчиком в ярославское хозяйство немца Токмана «Оптовая торговля льдом». Однажды повез Василию лед на квартиру к известному адвокату по гражданским делам Троицкому и там познакомился с его сыном — своим ровесником Константином.

Дома у адвоката — громадная библиотека. Случались дни, когда Токман уезжал по делам. Это было счастливое время. Василий не уходил от книг по три, по четыре дня. Он читал «Фауста» Гете. Радовался за мудрого старика, вернувшего себя молодость. Восхищенно следил за проделками Мефистофеля. Как-то в деревне тайком от всех сыграли «Фауста». Костюмы были самые настоящие. Длинные черные чулки сестры, красная рубаха и ватные черные рога. Вот и дьявол. Фаусту — халат семинарский да бороду из кудели.

Над бородой Фауста смеялись. Красную рубаху спрятали на дно сундука, а ватные рога сожгли в печи. Дьявола проклинали. Но разве можно убить мечту о театре?

У Василия появился надежный, верный друг. Студент-медики Георгий Курочкин. «Увлеченный человек. И его увлечение также называлось театром».

— Я, — говорил Курочкин, — настоящее образование на театре получаю. Ступай в театр! Малый театр — второй университет.

Господин Токман определил Васю в учение — ему нужны были хорошие бухгалтеры. Прослужив шесть лет в «малышках», Вася к семнадцати стал бухгалтером-счетоводом. И в Москве часто бывал по делам.

Курочкин все чаще рассказывал о Малом театре. Для того чтобы достать билет в Малый, надо было встать в очередь в пять часов утра и ждать до десяти, когда откроют двери. Выдавали только по два билета в одни руки, поэтому студенты устанавливали дежурства — один вставал в очередь в шестом часу утра, другой смеялся в восемь. Зимой, когда мерзли ноги, бегали погреться чайком в Охотный ряд, в трактир «для извозчиков».

Однажды вместе с Егором Курочкиным попал в Малый театр и Василий. Шла «Гроза»

Василий видел Ермолову не только в «Грозе». Ему посчастливилось смотреть и вдохновенную «Орлеанскую деву», слушать Ермолову на студенческом вечере, где она читала любимого Некрасова. «Жизни вольным впечатлениям душу вольную отдай...» Тогда Ермолова произнесла слова, ставшие священными. — Братство, Равенство, Свобода. Они звучали в стихах Некрасова, но были удесятрены силой вдохновения гениальной актрисы.

Театр верил в свободного Человека, учил думать. Не школярским, не окаменелым, не книжным был этот театр, а живым, с горячей кровью. Ермолова действительно была «героической симфонией» русского театра.

В 1900 ГОДУ Ярославль отмечал юбилей первого русского театра. Сто пятьдесят лет. Поклониться Волковскому театру приехали лучшие театры России. И среди них — Малый в полном своем составе, Александринский... Вновь Ермолова восхитила публику глубокими, благородными чувствами, высокими душевными порывами.

И когда после спектакля Василий шел по берегу Волги, в нем оживало давно знакомое желание воссоздать и самому эту поэзию и красоту.

Теперь Козлов работал в Норском посаде, на текстильной фабрике. Это был пригород Ярославля, но и там был любительский театральный кружок. Василий Козлов ставил «Ревизора» Гоголя — вопреки театральной безвкусице и прошлым водевилям, которые царили на любительской сцене. Он сыграл в нем роль Хлестакова.

Курочкин к тому времени закончил университет и стал врачом, работал в Ярославле. На одном из спектаклей побывала известная петербургская певица Софья Артемьевна Дубасова. Увидев Козлова в роли Хлестакова, она настоятельно уговаривала его поехать в Петербург, обещала протекцию, устройство в театральную студию. А в Ангелове умирал отец. О театре сыну сказал одно:

— Жизнь наша тяжелая... Дело надо делать, а не пустяками заниматься! Вот мое последнее слово.

Василий не посмел послушаться отца. Но театр прошел через всю его жизнь. Вслед за «Ревизором» последовали пьесы Островского, Чехова, Сухово-Кобылина, Горького. Его, Козлова, узнали не только в Ярославле, но и в округе. Как ждали его приезда ростовчане! Он привозил им свежие новости, интересные пьесы,

помогал ставить спектакли и сам нередко в них участвовал.

Курочкин часто бывал в Москве, заезжал к Марии Николаевне Ермоловой. В одном из писем она упоминает его как хорошего, близкого друга. Курочкин же и привез весть о новых гастролях Ермоловой в Ярославле.

«Без вины виноватые...» Кручинина.

Приезда этого Козлов ждал, как праздника. Какие цветы преподнести актрисе? О цветах «для г-жи Ермоловой» он читал в «Русских ведомостях». Фиалки из Ниццы выписывают. Целый вагон. Курьерским поездом на премьеру. Но что фиалки из Ниццы...

И Василий пошел в цветочное хозяйство Глотова. Давно не приходилось Гловоту слушать взволнованные речи. Заезжие аристократы пренебрежительно заказывали пышные корзины. Знал Гловот, как угодить и студентам в форменных фуражках и что дать другим — белоподкладочникам. А этот застенчивый паренек, лицо которого освещали серые глаза, вдруг заговорил так, как будто решил излить душу.

Гловот сам повел посетителя в розарий.

...Курочкин не осмеливался заходить в гримировочную Марии Николаевны, когда там была актриса. Но на сей раз — это было в Ярославле — он нерешительно постучал.

— Подите сюда, Егор, — позвала Мария Николаевна. — Я вам покажу кое-что.

Букетов было много. Корзины с цветами и шампанским от «отцов» города.

— Смотрите, — услышал он. — Вот букет. Кто его принес? Богатый? Не-ет, он не сможет придумать этакое. Души не хватит. Бедный... Да где ж у бедного деньги?

Курочкин рассказал о Козлове.

— Я по-хорошему ему завидую, — сказал Курочкин. — Я бы хотел жить так, как он живет. Может статься, театр потерял в нем прекрасного актера.

— Что ж, — ответила Мария Николаевна. — Чтобы понять человека, нет нужды узнавать истины, лежащие на поверхности. Хочу повидать его, Егор Иванович. — С этими словами Ермолова достала фотографию, изображающую ее в роли Кручинины, и надписала: «Василию Ивановичу Козлову на добрую память от М. Ермоловой. 1911 г. 9 ноября».

Когда Василий пришел к актрисе, перед которой преклонялся, он вспомнил слова, которые в пьесе «Без вины виноватые» говорится в честь Кручинины. «Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами, с умом, сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам таким уже явлением, перед которым мы должны преклоняться».

В этих словах был заключен портрет и самой Ермоловой. Человека и художника.

ЭТУ ИСТОРИЮ рассказала мне Клара Георгиевна Незванова, старшая актриса Волковского театра, заслуженная артистка РСФСР. Она и познакомила меня с Василием Ивановичем Козловым. Василий Иванович был хорошим другом многих актеров волковского театра. Он собирал и разыскивал редкие книги о театре, приносил своим друзьям.

В доме на Первомайской не слышны больше радужные голоса хозяев — Сергея Дмитриевича Ромоданова и Клары Георгиевны Незвановой. Но я отчетливо слышу, как любит она произноситься вслух одну и ту же, кажется, чеховскую фразу: «Каким же талантом надо обладать, чтобы каждый день ходить на службу и со службы одной и той же дорогой, вести внешне незаметное и скромное существование и все же находить в себе живые, яркие краски и впечатления. Это умеет не всякий...»

И вспоминаю, как актриса долго смотрела на портрет Ермоловой...

М. ВАНЫШОВА,
кандидат филологических наук.